

young specialists in their specialty in the agribusiness companies; increasing the interest of universities in training of students from rural areas.

Keywords: regional AIC enterprises, human resource, strategic management, education and training of young professionals, youth personnel policy, agribusiness

ЧИКИШЕВА Надежда Александровна — к.ю.н., доцент Юридического института Дальневосточного федерального университета (690950, Россия, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 25; naadezdaaa@mail.ru)

ПРЕЗЮМИРОВАНИЕ ВИНЫ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ДОГОВОРНОЙ И ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Важнейшей задачей гражданско-правового регулирования является обеспечение стабильности гражданских отношений и всемерной защиты нарушенных прав. Каждый участник гражданского оборота, пострадавший от гражданского правонарушения, должен быть уверен в полном восстановлении нарушенных прав и законных интересов, в возмещении причиненных убытков (вреда). Установленный гражданским законодательством механизм презюмирования вины является одним из важных средств достижения этой цели: он освобождает потерпевшего (кредитора) от доказательства вины правонарушителя (должника), что во многих случаях практически невозможно осуществить, и заставляет последнего доказывать свою невиновность.

Ключевые слова: вина, презумпция, вред, деликтное правонарушение, договор, основание ответственности за нарушение обязательств

Презюмированию вины в научной гражданско-правовой литературе уделялось немало внимания. Вместе с тем многие теоретические вопросы до сих пор не нашли своего разрешения или остаются остро дискуссионными.

Договорное и деликтное правонарушения существенно отличаются, их различия оказывают влияние на применение и опровержение презумпции вины.

Статья 401 ГК РФ «Основание ответственности за нарушение обязательств» по своему названию и содержанию направлена на регулирование именно договорной ответственности. В соответствии с этой статьей лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Словосочетание «лицо, не исполнившее обязательство» указывает на правонарушение (неисполнение обязательства), тогда как в случае деликтной ответственности невозможно не исполнить деликтное обязательство, т.к. оно возникает в момент правонарушения (причинения вреда). По своей правовой природе деликт схож с уголовными и административными правонарушениями, он возникает при нарушении общегражданского запрета — не причинять вред.

Нельзя не согласиться с С.Н. Братусем, который писал, что «при нарушении этих запретов, как правило, речь идет не о принуждении к исполнению конкретной неисполненной обязанности (это сделать уже невозможно), а об исполнении новой обязанности претерпеть наказание за содеянное, об ограничениях личных и имущественных, об общей и специальной превенции, о перевоспитании и т.д.» [Братусь 1976: 119].

Договорная ответственность наступает за нарушение обязывающей нормы

права, а деликтная — запрещающей нормы права. Фактически в ст. 401 ГК РФ речь идет о неисполнении договорного обязательства, т.е. о нарушении обязывающей правовой нормы.

Например, по договору предусмотрена оплата в определенный срок. Должник допустил просрочку. Его бездействие будет противоправно, если с учетом той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, он не предпринял все меры для своевременной оплаты (надлежащего исполнения обязательства), которые он должен был и мог предпринять. В деликтных обязательствах принять все меры для надлежащего исполнения обязательства означает лишь одно — реально возместить причиненный вред, т.е. исполнить его. Но в такой юридической конструкции места для вины нет вообще.

Кроме того, подчеркнем, что для большинства форм договорной ответственности, за исключением возмещения убытков, характерен усеченный (формальный) состав правонарушения, состоящий из двух элементов — противоправного деяния (нарушения обязательства) и вины, без необходимости наличия вреда. Поэтому предвидение вреда как элемента интеллектуального признака вины в этих случаях юридически безразлично.

С учетом разработок понятия вины в теории права в правонарушениях с формальным составом невиновность может быть установлена только путем доказательства того, что лицо не осознавало и не могло осознавать противоправности своего деяния. Как уже отмечалось, в гражданском праве крайне редки случаи, когда лицо не осознавало противоправность деяния в рамках договорных отношений (несвоевременная оплата по договору, нарушение сроков поставки и т.п.).

В договорном праве единственное правонарушение с материальным составом — это причинение убытков неисполнением обязательства. Интеллектуальный элемент вины в правонарушениях с материальным составом заключается в осознании противоправности и причинной связи деяния с убытками, а также в предвидении убытков.

В правонарушениях с материальным составом чаще всего лицо осознает противоправность деяния и причинно-следственную связь с убытком, и поэтому невиновность лица устанавливается через непредвидение возможности наступления вреда (при отсутствии нормативной обязанности и субъективной возможности их предвидеть).

Предвидение убытков — это признак интеллектуального элемента вины, хотя нетрудно заметить, что законодатель в ст. 401 ГК РФ при определении невиновности его вообще не учитывает.

В деликтных правонарушениях состав всегда материальный, включающий вред как обязательный элемент состава правонарушения. При привлечении к деликтной ответственности, как правило, требуется наличие всех четырех элементов состава правонарушения за исключением случаев безвиновной ответственности.

Привлечение к договорной ответственности по общему правилу требует наличия в составе двух элементов (противоправного деяния и вины) и, как следствие, дает возможность для действия презумпции вины и реализации права должника на доказательство своей невиновности.

Особенностью института договорной ответственности является и то, что применение презумпции вины зависит от того, является ли правонарушителем лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Если правонарушение совершено предпринимателем, то его ответственность основывается на началах риска, и презумпция вины не действует, хотя суды часто

анализируют вину предпринимателей в нарушении договора, что противоречит ст. 401 ГК РФ.

Так, в деле о взыскании убытков, причиненных неисполнением договора транспортной экспедиции, суд установил следующее. Между заказчиком и исполнителем был заключен договор об организации услуг по перевозке грузов автомобильным транспортом. В соответствии с данным договором исполнитель осуществлял перевозку груза, который был похищен неустановленными лицами до момента передачи получателю. Суд первой инстанции иск удовлетворил. Поддерживая указанное решение, суд кассационной инстанции указал, что ответственность за утрату груза несет перевозчик, и отметил: «...экспедитор освобождается от этой ответственности, если докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие непредотвратимых обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. С учетом презумпции вины перевозчика, ее отсутствие должен доказать перевозчик, представив доказательства того, что им приняты исчерпывающие меры по обеспечению сохранности груза, а его утрата произошла вследствие непредотвратимых обстоятельств, которые он не мог предвидеть»¹.

В данном случае ответчик, являющийся профессиональным экспедитором, не мог не предполагать, что при транспортировке дорогостоящего груза возможно его хищение и для его предотвращения требуется принятие дополнительных мер для обеспечения сохранности перевозки».

Как мы видим, участниками данного спора являлись субъекты предпринимательской деятельности, ответственность которых по общему правилу наступает без вины, и законодательство не устанавливает презумпцию вины экспедитора или профессионального перевозчика. Такое основание освобождения от ответственности, как непредотвратимые обстоятельства, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, являются обстоятельствами непреодолимой силы и никак не влияют на реализацию презумпции вины, которая в предпринимательских отношениях не применяется. Для ответственности предпринимателя в договорных правонарушениях с материальным составом достаточно доказательства противоправного поведения, вреда, причинно-следственной связи. Эти обстоятельства доказываются истцом. Ответчик, в свою очередь, вправе доказывать наличие обстоятельств, освобождающих от ответственности, в т.ч. непреодолимой силы.

Анализ арбитражной практики показывает, что суды очень часто анализируют вопросы вины и невиновности субъектов предпринимательской деятельности по договорным обязательствам, что неверно.

Согласно ст. 401 ГК РФ предприниматели несут безвиновную ответственность по договору, поэтому оценка их вины или невиновности со стороны суда представляется излишней. ГК РФ устанавливает ряд случаев виновной ответственности предпринимателей.

Важно подчеркнуть, что во всех случаях безвиновной ответственности предпринимателей идет речь только об обязательствах, осуществляемых в процессе предпринимательской деятельности, т.е., по сути, о договорных обязательствах. Если же субъекты предпринимательской деятельности причинили деликтный вред, то они должны отвечать на началах вины (например, если с крыши здания, принадлежащего предпринимателю, упадет снег и причинит вред жизни или здоровью гражданина или имуществу).

В связи с проблемой ответственности субъектов предпринимательской деятельности, большую часть которых составляют организации, известную актуаль-

¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13 января 2009 г. по делу № А56-45141/2007. Доступ: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=95183> (проверено 28.02.2016).

ность приобретает вопрос о вине и ее опровержении в отношении юридического лица.

В советском гражданском праве сложилось представление о вине юридического лица как о вине коллектива и его членов [Матвеев 1970: 37; Грибанов 2001: 340].

Поэтому при рассмотрении дел об ответственности организации, например за поставку недоброкачественной продукции вовсе не обязательно отыскивать, кто из работников предприятия допустил брак в работе, явился ли брак результатом действия одного или нескольких работников и т.п. Субъектом ответственности в данном случае является организация, и брак есть результат ее работы. Организация и признается здесь виновной в поставке такой продукции.

В современной юридической литературе предлагается ввести, например, понятие «коллективного психического субъективного отношения всех участников юридического лица к противоправному деянию, которое тождественно вине самого юридического лица» [Трофимов 2006: 9].

С учетом предмета исследования следует отметить, что понятие вины коллективной психики не разработано ни в психологической, ни в юридической науках.

В.В. Гарамита пишет, что «вина юридического лица — это конструкция гражданского права, которая определяет наличие индивидуально не конкретизированных нарушений в деятельности юридического лица, которые повлекли за собой наступление неблагоприятных имущественных либо личных неимущественных последствий и, как следствие, гражданско-правовую ответственность», и считает, что вина юридического лица имеет свое объективное выражение в результатах голосования на общем собрании участников юридического лица, действиях собственника имущества юридического лица. В ходе общего собрания участников юридического лица высказываются различные мнения «за» или «против» того или иного действия, отражающие волю участников, — все это находит отражение в протоколах общего собрания. Поэтому психическое отношение участников юридического лица к тому или иному коллективному действию объективно установимо и поддается оценке судом [Гарамита 2008: 7].

Например, Ю.Л. Сенина отмечает: «Юридическое лицо также способно самостоятельно формировать и извлекать свою волю. Волеизъявление от имени юридического лица осуществляют определенные органы или уполномоченные этими органами представители, действующие на основании доверенности. Органы юридического лица выражают его волю непосредственно, а представители — опосредованно и в пределах делегированных им полномочий» [Сенина 2006: 9].

Однако вина вне своих двух форм не существует, и если невозможно определить форму вины в отношении юридического лица (при этом заметим, что закон в ряде случаев ставит ответственность в зависимость от формы вины), то о вине юридического лица будет вообще невозможно говорить.

Однако ни доктрина, ни законодательство этого не делают.

За противоправным поведением юридического лица всегда стоят физические лица. Не случайно ГК РФ предусматривает, что юридическое лицо отвечает за вред, причиненный его работником (ст. 1068 ГК РФ), поэтому вина юридического лица будет оцениваться через анализ вины его работников — физических лиц. И суды, оценивая вину юридических лиц, обращают внимание на то, что именно его работники не могли «предвидеть убытки» или «не осознавали противоправность своего деяния».

Государство в деликтных отношениях по общему правилу отвечает на началах вины, т.е. и в отношении этого субъекта права будет действовать презумпция вины (ст. 1069 ГК). При этом действуют два исключения из этого общего пра-

вила. Вред, причиненный гражданину органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и их должностными лицами (п. 1 ст. 1070 ГК), возмещается независимо от вины должностных лиц. Таким образом, установлен случай безвиновной ответственности государства, при реализации которой презумпция вины не действует. Пункт 2 ст. 1070 ГК предусматривает, что вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Здесь, напротив, установлена презумпция невиновности государства.

В научной литературе было высказано мнение, что «установление неравной обязанности государства возместить вред в зависимости от сферы государственной деятельности противоречит назначению норм о деликтной ответственности государства обеспечить наиболее полную защиту граждан и юридических лиц. Поэтому целесообразно было бы установить единое правило наступления гражданско-правовой ответственности государства независимо от вины отдельных органов и должностных лиц» [Кирилова 2003: 30-31].

Институты договорной и деликтной ответственности имеют особенности реализации форм вины, что также оказывает влияние на реализацию презумпции вины.

Несмотря на то что в п. 1 ст. 401 ГК РФ отмечается, что лицо несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), российское договорное право практически ни одну форму договорной ответственности не ставит в зависимость от формы вины. Кроме того, подчеркнем, что приведенное в ГК понятие невиновности (как противоположность понятия вины, которое в ГК РФ отсутствует) вообще не дает возможности определить, имели ли место в действиях лица умысел либо неосторожность.

Доктринальные попытки определить содержание умысла и неосторожности в гражданском праве, как правило, завершаются заимствованием этих понятий в тех или иных вариантах из уголовного или административного права.

Г.К. Матвеев писал, что «умышленная гражданская вина характеризуется двумя главными признаками: предвидением вредных последствий противоправных действий и желанием их наступления либо сознательным допущением вредных последствий. Предвидеть вредные последствия, значит осознавать (сознавать, понимать) их. Желать вредных последствий – значит стремиться к ним... Неосторожная вина, в отличие от умысла, характеризуется тем, что, действуя неосторожно, причинитель не предвидит вредных последствий своих действий (хотя и должен их предвидеть), а потому и не желает их, либо же, хотя и предвидит, но легкомысленно надеется на предотвращение их» [Матвеев 1970: 37].

В.В. Лазарев отмечает: «Умысел имеет место тогда, когда лицо предвидит противоправный характер своего поведения и возможность наступления отрицательных последствий, но желает или сознательно допускает и не предотвращает их наступления. <...> Неосторожность имеет место тогда, когда лицо хотя и не предвидело неблагоприятных последствий своего противоправного поведения, но по обстоятельствам дела могло и должно было их предвидеть и предотвратить» [Лазарев, Липень 2000: 43].

В договорном праве дифференциация форм вины на умысел и неосторожность имеет значение в следующей ситуации. Согласно п. 4 ст. 401 ГК РФ заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно. Таким образом, стороны договора могут как увеличить объем своей ответственности, установив ответственность не только за вину, но и за случай, и за непреодолимую силу, так и ограничить свою ответственность только за умышленное нарушение, осво-

бодив себя от ответственности за грубую и простую неосторожность. Все эти возможности контрагентов являются проявлением принципа свободы договора [Травина 2014: 48]. Обратим внимание, что это правило не имеет значения для деликтной ответственности, поскольку нормы гл. 59 ГК РФ императивны [Синявская 2008: 48].

В гражданских правоотношениях с учетом принципа полного возмещения причиненного вреда (убытков) в большинстве случаев как договорной, так и деликтной ответственности форма вины значения не имеет. Однако, если закон или договор ставит возникновение ответственности в зависимость от формы вины, возникает вопрос о том, какая форма вины должна презюмироваться. Если ответственность возникает только за умысел (или грубую неосторожность), то презюмируется, что правонарушение совершено умышленно (или по грубой неосторожности). В этом случае правонарушитель вправе доказывать свою вину в форме простой неосторожности, однако это обстоятельство не будет приводить к опровержению презумпции вины (поскольку правонарушитель виноват), однако простая неосторожность здесь будет являться особым основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности.

В литературе отмечается различный подход законодателя к юридико-техническому закреплению презумпции вины в договорном и деликтном праве: «в рамках договорных отношений презумпция виновности характеризуется с помощью обязанности лица, нарушившего обязательство, нести ответственность и доказывать свою невиновность, а в рамках внедоговорных — через право на освобождение правонарушителя от ответственности и его обязанности доказывать свою невиновность» [Булаевский 2013: 59].

Действительно, ст. 1064 ГК РФ устанавливает, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2). Из смысла ст. 401 ГК РФ следует, что лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность, если не докажет отсутствие своей вины. При этом Т. Бактимирова предлагает унифицировать эти подходы и во всех случаях возложить обязанность нести гражданско-правовую ответственность, если правонарушитель не докажет отсутствие своей вины [Бактимирова 2006: 6].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что особенности презюмирования вины при применении договорной и деликтной ответственности сводятся к следующему.

В деликтных правонарушениях юридическая конструкция состава всегда включает вред как обязательный элемент. При привлечении к деликтной ответственности требуется наличие всех четырех элементов состава правонарушения (за исключением случаев безвиновной ответственности). Презюмирование вины реализуется, только если закон требует наличия полного состава правонарушения (деликта), тогда как при привлечении к безвиновной ответственности обращение к презумпции вины бессмысленно, поскольку в этих ситуациях ответственность строится на началах риска и вопрос вины или невиновности правонарушителя не имеет значения.

Привлечение к договорной ответственности по общему правилу требует наличия в юридической конструкции состава двух элементов (противоправного деяния и вины) и, как следствие, дает возможность для реализации презумпции вины.

При совершении договорного правонарушения презюмирование вины зависит от того, является ли правонарушитель лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Если правонарушение совершено предпринимателем, то его ответственность основывается на началах риска, и презумпция вины не

действует. Но если предприниматель причинил деликтный вред, то он отвечает на началах вины, и презумпция вины будет действовать.

Институты договорной и деликтной ответственности имеют особенности реализации форм вины, что оказывает влияние на правоприменение презюмирования вины. В договорном праве дифференциация форм вины на умысел и неосторожность имеет значение в случае, когда закон или соглашение сторон устанавливают ответственность только при наличии определенной формы вины. При деликтной ответственности форма вины устанавливается только законом.

Стороны договора могут исключить или ограничить ответственность за неосторожное нарушение обязательства. В деликтных правоотношениях это невозможно.

Список литературы

Бактимирова Т. 2006. Юридикско-технические аспекты презумпции виновности в гражданском праве. — *Право и жизнь. Независимый правовой журнал*. № 96.

Братусь С.Н. 1976. *Юридическая ответственность и законность*. М.: Юридическая литература. 215 с.

Булаевский Б.А. 2013. *Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений*. М.: ИНФРА-М. 240 с.

Гарамита В.В. 2008. *Вина как основание гражданско-правовой ответственности*: автореф. дис. ... к.ю.н. М. 30 с.

Грибанов В.П. 2001. *Осуществление и защита гражданских прав*. М.: Статут. 399 с.

Кирилова Н.А. 2003. *Гражданско-правовая ответственность государства*: автореф. дис. ... к.ю.н. М. 31 с.

Лазарев В.В., Липень С.В. 2000. *Теория государства и права*: учебник для вузов. М.: Спарк. 511 с.

Матвеев Г.К. 1970. *Основания гражданско-правовой ответственности*. М.: Юридическая литература. 311 с.

Сенина Ю.Л. 2006. *Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки)*: автореф. дис. ...к.ю.н. Томск. 27 с.

Синявская М.С. 2008. Вопросы нарушения договора и его последствий в современном французском праве: настоящее положение дел, критика, проект реформы. — *Вестник гражданского права*. № 3. С. 48-53.

Травина О. 2014. Свобода договора: гарантии, последствия нарушения, ограничения. — *Право и экономика*. № 5. С. 48-51.

Трофимов Я.В. 2006. *Понятие вины и ее значение как одного из условий гражданско-правовой ответственности в законодательстве России и Китайской Народной Республики: сравнительный анализ*: автореф. дис. ... к.ю.н. Волгоград. 29 с.

CHIKISHEVA Nadezhda Aleksandrovna, Cand.Sci.(Legal), Associate Professor, Law Institute, Far Eastern Federal University (25 Otktyabr'skaya St, Vladivostok, Russia, 690950; naadezdaaa@mail.ru)

ASSUMPTION OF GUILT IN THE APPLICATION OF CONTRACTUAL AND TORT LIABILITY

Abstract. The most important task of civil-law regulation is ensuring stability of the civil relations and all-round protection of the broken rights. Each participant of a civil turn, the victim of tort, should be confident in a complete recovery of the broken rights and legitimate interests, in compensation of the caused losses (harm). The mechanism of presumption of fault established by

the civil legislation is one of important means of achievement of this purpose: it releases the victim of tort (creditor) from the proof of fault of the violator of the right (debtor) that in many cases is almost impossible to carry out, and forces the last one to prove the innocence.

Keywords: *fault, presumption, harm, delict, contract, basis of responsibility for violation of obligations*

НЕСТЕРОВ Артем Юрьевич — к.соц.н., старший преподаватель кафедры управления персоналом Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73; ne7terov@rambler.ru)

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ АДАПТАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОСУЖДЕННЫМ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ УФСИН РОССИИ

Аннотация: Автор вводит в научный оборот понятие «пенитенциарная адаптация несовершеннолетнего осужденного». В статье предложен анализ пенитенциарной адаптации несовершеннолетних осужденных, представлены статистические данные. Требования, предъявляемые сотрудниками УФСИН России к несовершеннолетнему осужденному в процессе осуществляемой в этот период пенитенциарной адаптации и ресоциализации, нацелены на коррекцию его эмоционально-волевой сферы и формирование умения реализовать социально-позитивные отношения в жизни.

Ключевые слова: статистические данные МВД РФ, социально-психологические адаптивные технологии, пенитенциарная система, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, СИЗО, несовершеннолетний правонарушитель, принципы гуманизма в системе пенитенциарных учреждений

Уровень преступности несовершеннолетних в современной России вызывает обоснованную тревогу в современном российском обществе. Рост социальной напряженности и углубление кризиса в стране в первую очередь сказались на детях и подростках как наиболее социально незащищенной части общества. В последние годы проблема девиантного поведения и распространяющаяся криминализация несовершеннолетних вышла на первый план среди социально-правовых проблем России. Ежегодно, по данным Министерства внутренних дел РФ, органами привлекаются в качестве обвиняемых и подозреваемых более 200 тыс. несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста. Только половина дел доходит до суда. Тем не менее около 20 тыс. несовершеннолетних (каждый 10-й) получают наказание в виде лишения свободы¹. С каждым годом с несовершеннолетними осужденными, поступающими в ФКУ ВК (ВЦ) УФСИН России, становится все сложнее работать в педагогическом плане: растет доля осужденных за умышленное убийство, нанесение тяжкого вреда здоровью, разбой, грабеж [Нестеров 2016: 90].

Ежегодно суды, органы правопорядка, учреждения — субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних вынуждены подбирать меры воспитательного воздействия примерно для 180 тыс. подростков, в процессе реализации которых должны добиваться формирования персональной ответственности у правонарушителей. Тем не менее имеющиеся статистические показатели ука-

¹ См.: Министерство внутренних дел РФ. Официальный сайт. Доступ: <https://mvd.ru> (проверено 08.02.2016).